

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Черный одинокий всадник

Моск. правда - 1992 - 8966р-с. 3.

и довольно мрачный — это не только эмблема скандально известной программы «600 секунд», но и символ ее ведущего Александра Невзорова

Среди коллег - журналистов бытует мнение: «неистовый репортер» не жалует своих собратьев по профессии. Да и на стене в одной из комнат НТК «600» грозным предупреждением висит незатейливый плакатик «Съемка и правка шуток гостей - корреспондентов из дем. изданий».

...Александр Глебович был неожиданно любезен и даже не агрессивен. Я три дня проторчала в той комнате, куда стекается вся информация для очередных «Секунд»; где настойчиво звонят телефоны и куда время от времени из своей каморки с картонными стенами выбегает Глебович. Здесь называют его по-разному: когда просто по фамилии, когда уважительно и чуть-чуть с издевкой — по имени - отчеству, когда несколько вычурно — Граф. А в минуты напряженной работы — просто Саша.

«И вот такой я», — конечно, не говорил вслух, но давал понять Невзоров. Он какой-то взлохмаченный, одинаково неуемный в настроении веселом и мрачном. Иногда может ходить с темной каймой под ногтями. Но неизменно каждый вечер он по-своему импозантен на экране, заволагуя голосом лиц женского пола в каждую из отведенных шестисот секунд.

...У него не было времени, чтобы сесть и спокойно поговорить со мной часа два-три. Рекорд непрерывной беседы — 20 минут. Таких вот «кусочков» набралось прилично. Вот некоторые из них.

— Наша пресса и политические деятели обвиняют вас в нескольких тяжких грехах: фашизме, коммунистической пропаганде, провокаторстве. Любимый тезис оппонентов: «Этот Невзоров опять нас пугает, грозит кошмарами!».

— Я начал «пугать» еще год назад. И все мои так называемые пророчества (хотя я этим не занимаюсь, я не гадалка) сбываются с жуткой последовательностью. Я уж не говорю о предупреждениях и самом отчаянном сопротивлении развалу Союза. Теперь мы уже понимаем, что, собственно, произошло, и во что нам это уже обошлось, и во что еще обойдется. Хотя так далеко можно и не «пугать». Достаточно того кошмара, который есть уже сейчас.

Предупреждалось о конверсии и ее последствиях. Неужели все настолько тупо, что не могут понять: «кобронка» нас не обирает, а кормит, ведь танк стоит три миллиона долларов, практически все страны торгуют оружием, и наше демократическое правительство тоже будет. Вы же будете торговать. Я прекрасно понимаю, чего могут стоить мне несбывшиеся пророчества. Поэтому я отвечаю за то, что говорю.

Когда Невзоров говорит о нынешних властях, политике, о чем-нибудь, ему глубоко не симпатично, — ругается страшно. И каждое матерное слово звучит так, словно Александр Глебович все время держит в голове: вот здесь непременно нужно загнать это, а здесь — другое.

— Вы, мягко говоря, не любите тех, кто сейчас находится у власти. Это видно не только по вашей программе, но и по выступлениям на митингах, собраниях...

— Сейчас по бывшему Союзу разползается так называемая «московская тусовка», оказавшаяся в Москве не у дел. Они забирают все руководящие посты. А поскольку эти люди привыкли, что идеология, которую они представляли в течение двух последних лет, — идеология развала страны, обнищания, мнимого рынка, бреда, — то они из чувства своего демократического приличия будут ее придерживаться. Но для них это абсолютно условно. Если бы платили за что-нибудь другое и была бы возможность ездить в загранку, покупать «видики» под предлогом любой другой идеологии — они бы исповедовали другую.

Как это ни печально, эти люди представляют власть, которая грабит и унижает народ. Но еще три месяца назад даже при условии сегодняшнего голода, сегодняшних кошмаров — все могло быть не так страшно. Но сегодня... Русский человек еще долго будет выдерживать, а вот механизмы начнут разваливаться. Придут в полной шую негодность дороги, транспорт, телеграф, телефон и черт знает что еще. И если бы не пробуждение людей, все эти процессы были бы на «ура» скрашены очередным демократическим блефом. Сейчас это не удастся. Все уже разорвано, растерзано настолько, что это не рана на коже, видно мясо, видны внутренности — все дышащее, содрогается...

Вдохновившись собственной речью, Невзоров грозно поворачивает глаза, временами то понижает голос, то возвышает его до звучания патетического. Порой кажется, что все это несколько наигранно. Ну, да что там — он привык работать в эфире, а это придает налет театральности независимо от ситуации...

— Ваши прогнозы на будущее довольно мрачные. Если ситуация, как вы считаете, будет действительно развиваться в сторону непредсказуемых народных выступлений, что будете делать вы?

— Черт его знает. Ведь у меня цели и задачи в жизни предельно далеки от каких-либо политических раскладов, властолюбия, желания царствовать и посылать тысячами и сотнями тысяч. Я это все не люблю. Что

я люблю? Это неторопливо, вдумчиво снимать, снимать, монтировать, выходить в эфир, а потом опять снимать, монтировать... и до бесконечности, до «посинения».

Но видя поразительную робость, отсутствие инициативы и какой-то психологической силы в окружающих меня людях, я боюсь, что будущая ситуация рекрутирует меня в том качестве, в котором я быть не хочу, но от которого уйти не смогу. Потому что свою способность объединять вокруг себя людей — это своего рода проклятие — я уже ощутить успел. Я не испытываю никакого сладострастия или политического наслаждения при виде, что подобные эксперименты получаются. Как раз с ужасом и неприязнью думаю о таких моментах. Но скорее всего ситуация рекрутирует меня на очень активную роль...

— Что значит — активную роль?

— Я не знаю, какой будет расклад сил в России. Но это будет активная роль человека, который умеет водить за собой людей.

— Есть очень известный снимок, где вы верхом на коне, эдакий рыцарь, чуть ли не с копьем наперевес...

— То, что может произойти, несколько далеко от романтизма фотоснимков, удачно сделанных в удачную минуту. Когда ты встречаешься с пятью тысячами людей, которые ждут, что ты будешь обращать их в свою политическую веру, — это напряжение и работа, тяжесть которой передать невозможно. При том, что политической веры как таковой у меня нет. Зато есть точное знание того, что происходит сейчас со страной — есть ее слабо замаскированная политическая и физическая гибель. Вот это я знаю точно.

— А как же с политическими взглядами? Многие привыкли считать, что вы — монархист, человек сугубо консервативный, даже архаический.

— Я не являюсь монархистом. Все думающие люди в нашей стране имели возможность разочаровываться в монархической идее после приезда Великого князя Владимира Кирилловича 7 ноября. Мы смогли убедиться, что те, кто имеет основания претендовать на российский престол, нравственно уже выродились. Как бы их черты ни напоминали черты русских царей. Как бы ни были прекрасны по сути их речи...

Я не принадлежу ни к демократам, ни к коммунистам, ни к радикалам, ни к консерваторам, ни к правым, ни к левым... Но я знаю, что сейчас со страной происходит чудовищная беда. Либо это не имевшая аналогов чудовищная глупость, причем многих тысяч людей, думающих в унисон, либо все происходящее действительно преступление. А ведь нам после этих демократов страну придется восстанавливать, как после немцев плюс как после обычного нашествия. Сколько они еще успеют развалить, разорить, распродавать, пока их не выметут...

— Вы считаете, что этим сейчас и нужно заняться? Поэтому последнее время работаете со своей бригадой в безумном темпе, практически каждый день выходите в эфир?

— Что вы хотите, ведь это все — фронт. А на фронте градусников не ставят, в окопах не до этого. Последние полгода самое большое физическое и душевное напряжение за всю мою жизнь, я думаю... (Сплескивает через плечо). Я чувствую себя самым лучшим образцом.

— И я ваши фронтовые «окопы» вы приглашаю Ирину Мишину, ведущую информационные программы на 1 канале, бывшем ЦТ. Ведь в своем интервью еженедельнику «Семь дней» она почти напрямую говорила о том, что будет в ближайшем будущем делать с вами вместе новую программу...

— О, это была дивная история. Она позвонила и приехала. Просилась к нам на работу, говорила, что на ЦТ ее притесняют, не дают нормально работать. Но мы ей не поверили. А она расценила предложенные ей любезно три чашки кофе как нечто непомерно большее. А я что, маленький мальчик, который может подумать, что холерная цыганская дикторша, которая привыкла к паркетам и говорить то, что ей дают в папочке, придет к нам в «окоп», в землянку, к партизанам? Но самое интересное, что после этого интервью она больше так и не появлялась и не звонила. Уехала с концертами...

Если Ирина Мишина из-за трех чашек кофе смогла построить гражданские отношения с Александром Глебовичем, то я после активного трехдневного общения с Невзоровым и испытанным в немеренных количествах кофе могу позволить себе го-

раздо больше фантазий. И не только по поводу перспектив работы у Невзорова.

Кстати, воспользовавшись случаем, скажу всем страждущим особым женского пола: Невзоров считает, что работа журналиста только для людей одиноких, плюс он предпочитает крупных блондинок. Почему? Вопрос без ответа. Ну, как уверяет сам Александр Глебович, новость об остановке завода по производству того самого перигидрола повергла его в настоящее уныние. Так что... Да, совершенно забыла. Я — не блондинка.

— Про вас рассказывают множество историй. Вплоть до подробного описания кафеля в ванной комнате. Какая из популярных баек о вашей жизни вам самому нравится больше всего?

— Я ведь этого всего о себе не читаю. Вообще сейчас я читаю три издания: «Коневодство и конный спорт», который стал потрясающим журналом, мне очень нравится серия статей об улучшении табунного содержания, потом «Охоту и охотничьи просторы» и газету «День», если попадаете в руки.

— А чем обычно интересуются журналисты, которые бывают здесь практически каждую неделю?

— Мне никогда не задают главных вопросов, которые как раз должны были бы интересовать — они не спрашивают о сущности моей работы, о моей профессиональной стороне жизни. В лучшем случае отщипывают дежурными вопросами: где вы берете информацию, сколько человек у вас в группе...

— Как раз об этом я и хотела бы поговорить. Вас можно обвинить в театральности и приверженности к мистификациям в информационной программе. То есть использовании приемов, не позволенных для информационных жанров...

— А что, собственно, вы называете приемом? Музыка, которая сопровождается сюжетом, — тоже прием, а монтаж? Получается, что нельзя монтировать, нельзя писать текст, снимать нельзя. Ведь снять тоже можно по-разному. Чтобы вы выглядели благородным человеком или преступником. Либо всегда нужны совершенно одинаковые, почти идеальные условия для съемки. Всегда один и тот же свет, в одном и том же положении камера. Но кто, собственно, определил и где кончается та грань допустимого, что вот это применять можно, а это нельзя? Важно, чтобы все это было правдой по сути. Что не запрещено — то разрешено.

— Можете ли вы претендовать на ту самую объективность информации, ради которой и должны существовать средства массовой информации?

— Вообще я убежден, что любая программа абсолютно субъективна. Потому что объективным может быть только объективное в нашей жизни. Ведь даже свет можно поставить таким образом, что человек будет либо одним, либо совершенно другим. Можно так нежно расставить акценты, что любое событие приобретает противоположную окраску.

— Получается, что вы субъективно и тенденциозно подбираете и располагаете информацию в своих «Секундах»...

— Нет, нет, нет. Мне хотелось бы... Но я раб своего города и того, что в нем происходит. Равно как ничего не могу придумать. Я не в праве определять, что люди должны посмотреть, а что нет. Я стараюсь выпускать в эфир всю информацию, которая накапливается у меня за день. Она проходит серьезный отбор. Я выбрасываю из программы с особенным сладострастием то, что касается криминальной хроники. Давно уже надоела.

— Вас вполне справедливо считают человеком, «сшившим собаку на телеинформации». Наверняка у вас есть собственная концепция подачи материала, жанров и прочего... Всего того, за что вас одни непомерно хвалят и возносят до небес, а другие чуть ли не предают анафеме...

— Вообще информационных жанров всего два. Основной — правда, другой — временная правда. Есть правда постоянная, неменяющаяся, и есть правда этого дня. Ну, вот, например, стоит у человека стол работы XVII века, резной, тяжелый, громоздкий. Придет ему в голову, что это стол старомоден, что это фига, что нужно срочно избавиться от этого хлама в квартире. И бежит человек на толкучку продавать за полцены стол, выручает за него треху и спрашно рдеуется. Естественно, о правде речи идти не может, ведь он не знает истории, не разбирается в мебели. Поэтому действует по своей правде. И искренне убежден, что удачно загнал.

Точно так же действуют сего-

дня и наши демократы. Они не знают правды исторической, потому что не знают и не хотят знать истории. Например, можно совершенно иначе посмотреть на события в январе 1991 года в Вильнюсе. Что это было никакое не суперявление этого дня, этого часа. Это одно из событий сложнейших и жесточайших взаимоотношений двух народов, увы, не очень дружеских друг к другу.

Между нами, как известно, всякое было. Они нам Москву жгли, патриарха нашего Гермогена то ли съели, то ли дели куда-то. В нашей Троице-Сергиевой обители бесчинствовали. То, что случилось в Вильнюсе, одно из событий нашей совместной истории. И рассматривать его нужно не с бухты-баракты...

Вот даешь какой-то материал, делаешь какой-то репортаж — спроси себя: а с точки зрения людей, живших в XVII веке, твоя позиция правильная или нет? Твой гнев справедлив или нет? Тогда практически в каждом случае ты сможешь найти правильный ответ. Ведь взгляд на многие вещи того же XVII века нам хорошо известен.

— А вообще, какие темы, сюжеты привлекают вас больше всего, чем бы вы занимались, будь на то ваша воля?

— Я люблю длинные сюжеты. Это полторы минуты. Те osoby, которые я снимаю сам, собственными руками. Последний такой был из Шуваловского парка. Приезжаю, думаю снять всю мощь техники, задействованной в поиске. Навожу фокус на ковш, и в этот момент он достает мальчика. Фантастика! Можно верить, а можно нет. Просто не только я люблю эту профессию, но и она меня.

И Невзоров обворожительно улыбается. На экране у него имидж сурового, неприступного и даже жестокого человека. Но он умеет так неожиданно-весело преобразить свое лицо улыбкой, что от удивления (надо же, он, оказывается, смеется!) успеваешь забыть то, о чем шел разговор. Тактика такая — что ли?

— Несмотря на вашу с журналистикой взаимную любовь, «600 секунд» не могут существовать вечно...

— Программа может существовать так же долго, как любая реальность. До тех пор, пока мне это будет интересно, она будет выходить в эфир и будет первой. Ведь еще никому в нашей стране не удалось удерживать самый высокий рейтинг телепередачи подряд четыре года. Но вечно все это интересно мне быть не может. Мы с Михаилом Михайловичем (режиссер Невзорова. — А. З.) порой тоскуем по какому-то более серьезному, что ли... Он мне говорит: «Надо «Паноптикум» снимать...». Что будет дальше — я пока не знаю. Сейчас «Секунды» не просто выходят в эфир каждый день, сейчас это единственный голос оппозиции, который убеждает очень и очень многих, что не все еще задумано и задавлено.

— Ваша жизнь полна событиями и неожиданностями. Не хотите ли принятаться за писание книги, воспоминаний, что ли...

— Вообще я привык действовать. Если я увижу в процессе писания какое-то действие, может, и возьмусь. Я и не пробовал толком никогда. Ведь ничего, кроме закадровых текстов, не писал. Было, правда, несколько телевизионных сценариев.

А по-настоящему сейчас не до этого. Надо спасти страну, открыть всем глаза, а там я займусь нормальным разведением племенных лошадей. Или в монастырь пойду. Или буду делаться на телевидении, то, что я хочу. Пока я не имею на это права. Я вынужден стоять, как Брестская крепость и драться до конца. Я не могу обмануть доверие людей, поддержавших меня во время закрытия программы.

— Вы часто употребляете слово борьба, фронт, война. Но на войне убивают. Вы ничего не боитесь, и смерти не боитесь?

— А чего бояться? Меня учили ничего не бояться. Храбрость это такая же штука, как мускульное развитие. Это тоже можно развить в себе. А действительно боюсь обидеть невинного...

— Вас довольно часто обвиняют в жестокости по отношению к людям. А как вы к ним относитесь на самом деле?

— Я люблю профессионалов. Будь то ассенизатор или математик — мне все равно. Профессионал всегда поймет меня, а я его. Вы не забывайте, почему здесь сидите вы, почему приезжают каждую неделю другие журналисты, почему, приветствуя меня, ревет многотысячная толпа. Я прежде всего профессионал высокого уровня.

— Вас по-разному называют противники и поклонники, а сами как бы вы себя образно называли?

— Александр Глебович Невзоров. Достаточно образно. Санкт-Петербург, декабрь 1991 — январь 1992.

Р. С. Не знаю, насколько полным и занимательным покажется это интервью со «скрытым» и недосказанным человеком — Александром Невзоровым. К нему можно относиться по-разному. Это личное дело каждого. Но судить Невзорова — дело бесполезное. И никому не нужно. Он сам себе судья и ответчик. Его можно с интересом наблюдать и делать свои выводы, а он все равно будет жить так, как когда-то решил и придумал для себя.

Пыталась разговаривать «рыцаря сенсации» Лариса ЗЕЛЬКОВА.